

«...КОГДА МЫ КОММУНИЦИРУЕМ, МЫ СНОВА СОЕДИНЯЕМ ОБРАЗЫ» “...WHEN WE COMMUNICATE, WE CONNECT IMAGES AGAIN”

Дускаева, Л. Р. **Стилистический анализ в медиалингвистике.**

Серия «Язык в координатах массмедиа». Москва: ФЛИНТА, 2019. –340 с.

ISBN: 978-5-9765-4323-2

Читать, а тем более писать рецензию, на современную научную литературу, посвященную проблемам медиалингвистики, – это захватывающее интеллектуальное путешествие. Это путешествие и по современности, и в отдаленные во времени культурные эпохи, которые вольно или невольно, но проявляются, проговариваются в исследовании через формулирование общего проблемного поля, структуру, отбор материала, выбор точек зрения на него и язык, манеру описания. Это путешествие по тем научным, идейным традициям, которые питают, направляют, формируют мировоззренческие основы, методы и принципы ученого как личности. Это путешествие по отголоскам нескончаемых дискуссий, которые организуют, охраняют, сохраняют мемориальную культуру науки и насыщают её новыми смыслами, поворотами мысли, не позволяя ей застыть и выродиться. Это ещё и путешествие, совершаемое вместе с автором книги, а потому наполненное напряженным и ответственным общением, заставляющим, с одной стороны, увидеть то, что, как и почему видел он со своей, ничем и никем незаместимой, по М. Бахтину, точки зрения. Это этически и интеллектуально осознанное общение двух наших малых опытов, когда важно помнить: «Малый опыт построен на нарочитом забвении и на нарочитой неполноте. В большом опыте мир не совпадает с самим собою (не есть то, что он есть), не закрыт и не завершен. В нем – память, не имеющая границ...» (Бахтин 2000: 247). А с другой стороны, такого рода общение всегда и неизбежно выводит к большому опыту, когда значимо знать, понимать и учитывать, «в каких формах и сферах культуры воплощен этот большой опыт, большая, не ограниченная практикой память, бескорыстная память. <...> Язык, непубликуемые сферы речевой жизни, символы смеховой культуры. Не переработанная и не рационализированная официальным сознанием основа мифа. Надо уметь уловить подлинный голос бытия, целого бытия, бытия больше, чем человеческого, а не частной части, голос целого, а не одного из партийных участников его» (Бахтин 2000: 247).

Занятие медиалингвистикой во многом предполагает, может быть, даже требует от исследователя неукоснительную нацеленность одновременно на голос целого (М. Бахтин), прорывающийся сквозь гул, а то и какофонию партийных участников (М. Бахтин) коммуникации, и на бескорыстную память (М. Бахтин). Эта память, проявляющаяся вне, а иногда и вопреки личностной позиции говорящего, пишущего, анализирующего, – необходимое условие понимания текста и осуществления коммуникации. Медиалингвистика – это наука чуткая к проблемам бескорыстной памяти (М. Бахтин), которая отпечатывается и хранится, живёт в слове, речи, тексте, принципах и моделях общения современности, получившей через массмедиа возможности максимально полной реали-

зации всех своих сфер в специфическом публичном пространстве. Уже не только художественные слово, текст запечатлевают, отражают, проявляют эту память, но и массмедийные, обретшие возможности и права на сохранение во времени в собственных формах. При этом медиалингвистика, будучи нацеленной на изучение массмедийных языка, речи, слова, текста, образа, на понимание сути медиакommunikации, не может не быть и чуткой к голосам, провокациям, ловушкам, обману и правде рационализованного и идеологизированного официального сознания, значимого и функционирующего в пределах своего малого опыта (М. Бахтин).

Медиалингвистика, в силу своей природы и субстанциальных особенностей, – это наука, изначально и последовательно направленная на соединение, переосмысление давних сильных традиций лингвистики, уходящих корнями в онтологические и социальные проблемы, неразрывно сопряженные с языком, речью, общением как конститутивными свойствами человеческой культуры. Но вместе с тем медиалингвистика – это наука, ориентированная и на относительно новые направления, сферы социогуманитарного знания, устремленного к актуальным, а порой конъюнктурным, быстро меняющимся и конвенциональным явлениям типа идеология, политическое, властное, повседневность. Медиалингвистика – это во многом наука о том, как малые и большие опыт и память (М. Бахтин) встречаются и взаимодействуют в пространстве языка, стихии речевой жизни и текста. Но не только такого типа текста, когда «человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный)» (Бахтин 2000: 304), а медиаязыка и медиатекста – знаковых феноменов новейшего времени. Медиатекст – это своеобразное явление, изначально рассчитанное и создаваемое для множества остросовременных и официальных других, для массово-публичного бытия и восприятия на специфическом языке, который пытается уловить, выразить и актуальность современности, и «память противоречивого бытия» не «однозначными понятиями» и не «однотонными образами» (Бахтин 2000: 247). Медиатекст – это одна из ведущих возможностей для представления, существования не только социального, но и личного в этом своеобразном публичном пространстве, создаваемом медиакommunikациями. Следовательно, медиаязык и медиатекст – это явления, и трансформирующие, и заставляющие переосмыслить представление о малом и большом опыте и памяти и о соотношении сфер официальной/неофициальной культур (М. Бахтин). Медиалингвистика – это во многом ещё наука и о том, как малый опыт с его нарочитой неполнотой находит, создаёт, развивает и представляет в медиaprостранстве свой язык. Это язык, который оказывается способным и сформулировать, передать важность малого опыта, и сопрячь его со значимыми социальными, историческими, культурными, повседневными проблемами, и встроить, сохранить его в большом опыте так, чтобы след современности не потерялся, не остался не услышанным, обесцененным движением времени и природой массмедиа.

Медиалингвистика – это наука о том, как язык, речь в процессе сращения с медиакommunikациями приобретают не только новые свойства, качества и возможности, что вполне предсказуемо, но и открывают в этом сращении принципиально новые способности «соответствия», «адекватности», «адекватности», сущность которых М. Мамардашвили описал так: «...идея должна быть адекватна предмету. Для этого нужно предмет схватить отдельно от идеи, чтобы сопоставить его с ней. Декарт называл это ситуацией “третьего глаза” – есть предметы, есть их образы в нас и есть еще какой-то глаз, который видит предметы и сопоставляет их с образами (хотя этот третий глаз может черпать содержание своего видения лишь из того, что сказали ему образы)» (Мамардашвили 1996: 131). Медиалингвистика – это во многом наука о такого рода философски понимаемой «адекватности». Для неё в условиях новейшего времени важны не только способности и потребности языка, человека в коммуникации, но и принятие в роли своеобразного, во многом искусственного, но всё же “третьего глаза” массмедиа и обусловленных этим новых возможностей понимания и артикуляции этого понимания. Далеко не случайно, М. Мамардашвили настаивал: «...когда мы коммуницируем, мы снова соединяем образы» (Мамардашвили 1996: 132). Но в новейшее время, в эпоху медиаккультуры, и в сознании, и в создании, и в соединении, и в коммуникации неизбежно и неустранимо присутствуют массмедиа.

Коммуникация–язык–образ мира, актуализированные массмедиа, – это то, что в нашу эпоху образует и систему координат, и систему понимания, и систему самовосприятия, и систему

репрезентаций. Но это не только привычная, главная «задача коммуникации», которая неизменно стоит перед «языком, на котором мы говорим» (Мамардашвили 1996: 133). Это ключевая задача и медиакоммуникаций и, следовательно, медиалингвистики: исследование того, как создание, соединение, понимание образов, смыслов, идей пропускается и сквозь сложную, многоструктурную, подвижную, ускользающую от определенности систему публичного общения, всегда общения для других, и через систему массмедийных посредников. Медиалингвистика – это наука о том, как предмет и идея, встречаются в медиакоммуникациях и вырабатывают свою систему языка, речи, образов. Это всё неизбежно подводит к «проблеме возможности проникновения в чужое сознание, которая, разумеется, должна обсуждаться – ведь должен вырабатываться какой-то инструментарий, техника, совокупность каких-то понятий, концептуальный аппарат» (Мамардашвили 1996: 132). Медиалингвистика – это ещё наука и о проблемах возможности проникновения в чужие сознания, проявляющиеся в медиатексте и медиаязыке. Понимание и адекватное описание этих чужих сознаний, осложненных системой массмедийных посредников и запечатленных в медиатексте, – это одна из ключевых задач медиалингвистики. Особенно если учесть, что это всегда ансамбль чужих сознаний, проявляющихся в специфических текстах и с помощью различных медиаязыковых вариантов. В него входят и голоса традиционных журналистов, пропагандистов, издателей массмедиа, и относительно недавно заявивших о себе специалистов в области рекламы, PR, и социальной журналистики, и гул голосов новых медиа, социальных сетей, и их аудиторий, переставших быть безмолвствующим большинством (А. Гуревич), обретших собственный набор позиций в медиапространстве. Для медиалингвистики действительно важно учитывать, что, «...когда мы коммуницируем, мы снова соединяем образы» (Мамардашвили 1996: 132) всех этих голосов, позиций и проявляющихся в них чужих сознаний.

Медиалингвистика – это молодая наука, которая совмещает в себе и память, знание, силу, опыт не только лингвистики, но и философских основ общения, коммуникации, открытия, возможности, потенциалы массмедиа, медиакультуры как новой среды обитания человека и общества. Понятно, что это всё трансформирует и задачи, цели, методы, научный язык, и позиции, возможности исследователя в области медиалингвистики. Это проблемное поле медиалингвистики, с одной, обращенной к внутреннему пространству науки, стороны. Но есть и другая сторона, нацеленная на взаимодействие науки и социально-идеологических, историко-культурных, религиозно-национальных аспектов, которую тоже необходимо учитывать, особенно когда речь о новых направлениях в науке.

На рубеже наших столетий вышел сборник «Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса» (2002). В нем есть один примечательный момент, который касается особенностей культурно-социальных, мировоззренческих истоков научного феномена и специфики его восприятия, основ, принципов адекватности. В этом сборнике вступительная статья от имени французских коллег написана П. Серио и озаглавлена им предельно четко, просто и концептуально: «Как читают тексты во Франции» (Квадратура смысла 2002: 12). Её задачи обусловлены комплексом вопросов компаративного и идейно-методологического характера. Для П. Серио, прежде всего, важно помочь преодолеть препятствия в интеллектуальном диалоге между исследователями, представляющими различные национальные, культурные, политические, ментальные традиции, когда для понимания значимо учитывать полноту интеллектуальной жизни и «...размышления о контрастах, расхождениях и схождениях среди гуманитарных и общественных наук» (Квадратура смысла 2002: 13) разных стран. Анализ дискурса давно стал достоянием мировой науки, его методологией овладели многие исследователи, появились национальные школы дискурсологии далеко за пределами Франции, но проблема прояснения идеологических, культурных и, значит, во многом научных истоков и основ этого направления не только не утратила актуальности, но и обнаружила её новые существенные аспекты. Для того чтобы русскоязычному, ещё точнее – восточноевропейскому высокообразованному читателю показать особенности зарождения, формирования, развития современной эпохи существования теории анализа дискурса, П. Серио пришлось прибегнуть к краткому экскурсу и объяснению тех исторических, культурных факторов, которые привели к «...соединению лингвис-

тики, марксистской философии Луи Альтюссера и психоанализа» (Квадратура смысла 2002: 14). По справедливой идее П. Серио, невозможно понять принципы, язык, интеллектуальные и ценностные векторы развития научного направления, если его изъять из породившей его культуры и, главное, эпохи. Анализ дискурса – это, в первую очередь, рефлексия системы знаковых имён и событий французской интеллектуальной политической жизни второй половины XX века, вне которой дискурология во многом будет выхолощенной, а идея «...нельзя быть абсолютным хозяином смысла высказывания...» (Квадратура смысла 2002: 16) останется красивым афоризмом, но не станет научной проблемой.

Научная рефлексия непременно должна включать общекультурный интеллектуальный фон научной проблемы, по бесспорному убеждению П. Серио, что необходимо как условие для адекватного понимания природы, дальнейшего развития и этой проблемы, и интеллектуальной культуры. Это, безусловно, сложное задание, с которым рано или поздно, но неизменно сталкивается любая наука. Его можно решить так, как П. Серио, представив рефлексия анализа дискурса для культурно, социально, идеологически и интеллектуально другого и чужого сознания, а можно так, как Л. Дускаева – определив и обосновав проблемное поле медиалистики в контексте медиалингвистики в качестве актуальной научной задачи для ряда направлений гуманитаристики.

Несмотря на, казалось бы, нацеленность на один, стилистический, аспект медиалингвистики, монография Л. Дускаевой – это тоже рефлексия целого научного направления, обусловленная и временной, и понятийно-методологической, и общетеоретической актуальностью, и необходимостью прояснения культурных традиций гуманитаристики, интеллектуального фона эпохи и собственно научных условий возникновения нового научного направления. Почти четверть века, прошедшие после появления в славянском научном мире медиалингвистики, показали и её результативное развитие, и становление самостоятельных сильных школ, отдельных исследователей в её границах, и необходимость осмысления ряда вопросов с позиции накопленного опыта. Монография Л. Дускаевой, с выпущенной под её же редакцией коллективной работой – «Медиалингвистика в терминах и понятиях: Словарь-справочник» (2018), – удачно и своевременно выполняют эти комплексные задачи. Если прибегнуть к идеям П. Серио, то уверенно можно сказать, что монография Л. Дускаевой – это успешная попытка рефлексии медиалингвистики как явления славянского научно-культурного мира, с исконно присущими ему особенностями создания, чтения, восприятия научных текстов и медиатекстов. Осуществляет эту комплексную задачу Л. Дускаева без прямой декларации и специальных пояснений, как П. Серио для программного сборника, а опосредованно, с естественной опорой на традиции восточнославянского научного мира.

Исследование Л. Дускаевой насыщено теми идеями, принципами, способами видения и артикуляции научных проблем, которые были заложены, обоснованы в работах А. Потемни, Ф. Буслаева, М. Бахтина, Ю. Лотмана, В. Виноградова, В. Винокура и без знания которых трудно до конца понять общую высокую и строгую культуру, основы интеллектуального изложения, ход мысли, логику подбора, компоновки материала, принципов ведения дискуссии с оппонентами, прояснения, отстаивания своей позиции. Этим всем предельно наполнена книга, которая изначально рассчитана на подготовленного, вдумчивого читателя, склонного к интеллектуальному путешествию и коммуникации. Эта книга для медленного чтения, что сейчас необходимо научно-культурному миру, иногда увлекающемуся моделями коммуникации, присущими массовой культуре, быстрому производству и потреблению даже научной продукции. Эта работа возвращает нас к прежним, высоким, стандартам вкуса интеллектуальной культуры, столь необходимым в эпоху обилия и иллюзии всеобщей доступности научного типа публикаций, материалов, знаний. Сильные научные традиции определяют и выбор понятийно-категориального аппарата, подходов, методологии, которыми пользуется Л. Дускаева. Ясность, чёткость, последовательность в аргументации идей, тезисов, теоретических положений, примеров – это то, что свойственно этой монографии, начиная с Введения и заканчивая ключевыми, суммирующими выводами.

Основной вектор исследования направлен на актуальную систему вопросов, связанную со стилистикой в целом и собственно с медиалистикой. В монографии изначально, с опорой на

школу В. Виноградова, стилистика понимается в качестве нераздельного единства и «системы систем», и «...разных видов и актов общественного употребления языка» (Виноградов 1963: 5). При этом ценностный исследовательский акцент сделан на важной для современности сфере общественного употребления языка. Об этом с первых же предложений книги лаконично и уверенно заявляет Л. Дускаева: «Стилистический анализ в медиалингвистике был назван Т. Г. Добросклонской медиастилистическим. В наших работах медиастилистика рассматривается составной частью медиалингвистики, раскрывающей через демонстрацию композиционно-лингвистической вариативности медиаречи парадигматику последней» (Дускаева 2019: 5). И далее, продолжая придерживаться такой же уверенной манеры изложения и внутренней дискуссии с авторитетами, Л. Дускаева объясняет следующий существенный момент. Это обоснование того, почему сейчас исследователям, в отличие от эпохи В. Виноградова, отмечавшего, что стилистика – это еще и «стилистика художественной литературы» (Виноградов 1963: 5), необходимо сместить, а то и сменить научные точки зрения на стилистику. Современным ученым необходимо, по убедительным аргументам Л. Дускаевой, следуя за классиками, истолковывать уже медиаязык, медиаречь, медиатекст, как явления, вполне «...наделенные своей проблематикой, своими задачами, своими критериями и категориями» (Виноградов 1963: 5). В монографии сразу же указывается, а потом целенаправленно мотивируется теоретическими рассуждениями, анализом, интерпретацией многочисленных примеров следующий тезис: язык массмедиа – это уже не только один из видов, разновидностей, вариантов общественного употребления языка, но и самостоятельный язык, такой же, по сути, как и язык художественной словесности. В новейшее время медиаязык занял лидирующее положение, оттеснив в национально-культурном пространстве долгое время господствовавший язык художественной литературы, что привело к ряду «общественно-языковых революций» в социально-повседневных формах жизни. В связи с этим невозможно не согласиться с утверждением Л. Дускаевой, суммирующей и свои наблюдения, и аргументы коллег: «... в современной культурно-речевой ситуации важнейшей особенностью является развитие стилистической системы русского языка под знаком и решающим воздействием медиаречи, поскольку для языкового сознания общества именно она воплощает представления о литературной и стилистической норме, о разноуровневых процессах, происходящих сегодня в национальном языке» (Дускаева 2019: 6).

Сквозь призму медиастилистики автор рассматривает сложную, многоаспектную систему проблем медиалингвистики, целенаправленно выводя её к философским границам коммуникации, по сути – к вопросам «адекватности» (М. Мамардашвили): «...делается попытка показать особенности речевого выражения медийности» (Дускаева 2019: 5). Автор неизменно фокусирует внимание на том, что такое медийность, как она влияет на состояние языка, речи, и что и почему должен делать специалист, чтобы правильно (адекватно) понимать, профессионально ответственно описывать происходящие процессы. По доказательному тезису Л. Дускаевой, медийность «...потребовала от исследователей при разработке методики стилистического анализа учитывать, во-первых, те смысловые оттенки и добавки, которые возникают у лингвистических средств при переносе текста (в традиционном понимании) в сферу медиа, а во-вторых, принимать во внимание, что средствами передачи смыслов в медиа служат средства разной семиотической природы. Думается, что анализ лингвистических свойств в тесной взаимосвязи с медийными стал одним из важнейших аспектов современной медиастилистики» (Дускаева 2019: 12). В дальнейшем Л. Дускаева продемонстрирует такого рода высокопрофессиональный анализ на разнообразном массмедийном материале. Автор сделает это чётко, уверенно и последовательно, сохраняя ясность изложения, рассмотрения материала на протяжении всего многостраничного представления своего видения особенностей, принципов, методов, приемов стилистического анализа в медиалингвистике.

Одна из сильных сторон книги Л. Дускаевой – умение грамотно и профессионально доказательно скомпоновать теоретические и практические аспекты. Как правило, в книгах, преследующих несколько целей, обусловленных необходимостью отдельной работы и с понятийно-категориальным аппаратом, и с подбором, детальным разбором конкретных примеров, наблюдаются логические перебивки, развёрнутые отступления, затрудняющие чтение и понимание. В монографии Л.

Дускаевой такого рода неизбежная проблема решена просто и изящно. Введение, которое, обычно, посвящено общему обоснованию актуальности предмета изучения, обозначению основного круга вопросов, целей, задач, методов, в этой книге построено по-иному. Оно четко структурировано разбивкой на самостоятельные части, в которых представлены, убедительно мотивированы общетеоретическая, общеметодологическая основы, язык, принципы. Они впоследствии будут продуктивно работать, уточняться, проясняться в каждой из трёх частей («Типология разноканальной медиаречи», «Типология интенционально-тематических разновидностей медиатекстов», «Жанровая интенционально-стилистическая типология медиаречи»), разбитых на девять глав, посвященных детальному анализу, интерпретации медиатекстов, и суммироваться в Заключение. Такое решение представляется удачным. Оно одновременно и дает общую панораму теоретических проблем, и демонстрирует пути, возможности их решения посредством наглядной профессиональной работы с конкретными, но при этом весьма показательными, с точки зрения развития современного российского медиапроцесса, медиатекстами.

Введение состоит из четырёх разделов: «Из истории изучения стилистики СМИ», «Понятие медиатекста», «Праксиостилистическое значение», «Текстово-композиционная организация медиаречи». Каждой части Введения свойственно естественное объединение обзора научной литературы по конкретной проблеме и обоснование теоретических положений, понятий, с которыми потом будет активно работать автор. Такой подход представляется вполне действенным, решающим несколько комплексных задач: представление острых теоретических вопросов медиалингвистики, включая её понятийно-категориальный и методологический аппарат, системный обзор наиболее важных научных исследований, демонстрация практической необходимости и эффективности именно такой теоретической основы нового направления в науке. В связи с этим книга Л. Дускаевой важна и полезна и с педагогической точки зрения: она учит и тому, как выстраивать научный материал в период активного становления научного направления, и как анализировать сложный, быстро и разнонаправлено развивающийся массмедийный материал.

Необходимо отметить и то, что анализ литературы по теме – это не простое суммирование уже сделанного, обобщение идей, а всегда профессиональный диалог с учеными, критическое, аргументированное представление их позиций и обозначение своего видения вопроса. Таким образом, Л. Дускаева представляет значительный массив научной литературы, посвященной проблемам стилистики, становлению, развитию медиалингвистики, начиная с 60-х гг. XX ст. и заканчивая 2018 г. География исследователей тоже впечатляет: это преимущественно работы ведущих советских и постсоветских ученых, а также ключевые разработки польских, болгарских коллег и представителей англосаксонского научного мира. Это позволяет познакомить читателя с актуальными комплексными научными проблемами, направлениями, предоставив ему ещё и массивный список качественной литературы, базирующейся на различных идейно-культурных, интеллектуальных традициях.

В каждой части Введения дается обоснование теоретической проблемы, начиная от авторского понимания медиастилистики и заканчивая описанием отдельных дефиниций типа стилеформирующие компоненты, паратекст, интратекст, метатекст. Так, Л. Дускаева пишет: «Медиастилистика в нашем понимании – раздел медиалингвистики, изучающий нормативно-речевую типологию медиатекстов» (Дускаева 2019: 14). Но, будучи ученым, она хорошо понимает, что любое определение – всего лишь голос малого опыта (М. Бахтин), а потому дает существенное, с точки зрения интеллектуальной культуры, примечание: «Однако это отнюдь не единственно возможное понимание медиастилистики. Конечно, мы допускаем вариативность трактовок» (Дускаева 2019: 14). Однако тактичность подходов не отменяет уверенности в формулировании сути идей, понятий, задач медиастилистического анализа и его методов, которые, по мнению российской исследовательницы, определены сложной, креолизированной природой медиатекстов.

При этом в центре внимания Л. Дускаевой постоянно остается важная и остроактуальная проблема, решение которой – залог самостоятельности и медиастилистики, и медиалингвистики в целом. Для автора важно определение и описание медиатекста, медиаязыка, медиаречи не как примеров слов, словосочетаний, предложений, текстов, взятых из материалов СМИ, наравне, скажем, с материалами

юридической, бюрократической, медицинской сфер, а как самостоятельных специфических феноменов, обусловленных медийностью: «Медийная специфика в их речевом облике проявляется в результате: 1) выбора для построения текста наиболее эффективных ресурсов из ряда синонимических и корреляции их со средствами разной семиотической природы, 2) активизации средств, придающих речи обусловленные медийностью черты, 3) выработки у языковых ресурсов необходимых данному медиа качеств» (Дускаева 2019: 14). Медийность – это то, что исследуется в монографии и в качестве существенной составляющей современных медиатекстов, медиаязыка, и того, что определяет свойства «медиамышления» современных журналистов. Далеко не случайно, Л. Дускаева делает такой важный вывод: «...метатекст помогает передать в медиатексте онтологически многослойную природу медиаречи, представляющую собой сообщение об изменении в общественной жизни (=новость), ранее полученное из другого источника. Медиаречь организована диалогически: она строится как сообщение о чужом сообщении и отклик на предвосхищаемую реакцию аудитории. Следовательно, метатекст – выражение диалогической природы речи в средствах массовой информации. <...> Медиаречь содержит наряду с новостной информацией “следы” речевого взаимодействия, в ходе которого получены сведения об этой новости...» (Дускаева 2019: 30–31). По сути, это всё та же сложная и важная философская проблема возможности проникновения в чужие сознания, о которой писал М. Мамардашвили и которую Л. Дускаева настойчиво и последовательно актуализирует и традиционными, уже достаточно хорошо изученными возможностями, характерными свойствами журналистики, и новыми ключевыми качествами и особенностями медийности.

Эта задача решается через введение и описание частных теоретических понятий. Например, в отношении медиатекста – «центрального предмета изучения медиастилистики» – Л. Дускаева пишет так: «Изучение медиатекста в деятельностном ключе предполагает его анализ в тесной связи с реальными обстоятельствами, в которых он функционирует» (Дускаева 2019:15), что и предопределяет задачи медиастилистического анализа (Дускаева 2019:16), когда особенно важно учитывать: «При характерной для медиастилистики деятельностной трактовке стиля стилеформирующими становятся любые вербально-аудиально-визуальные способы и средства, которые могут быть использованы для передачи коммуникативных целей и задач медиа, характерных для конкретной типовой ситуации деятельности» (выделено автором – Э.Ш.) (Дускаева 2019:16). При этом медиатекст рассматривается на пересечении собственно текстуальных, стилистических особенностей и свойств, которые никуда не деваются в медиатексте, и медийности, которая проявляет свои характерные черты, которые необходимо учитывать: «Типовыми денотатами сообщений в медиа являются происшедшие недавно события, наблюдаемые в данный момент явления, процессы, люди. Особенностью современной коммуникации в медиа является то, что очень часто денотатом становится чужое высказывание. Модусный компонент, порождаемый разными субъектами, полимодален, включает разные виды информации, связанной с выражением авторского отношения к предмету речи и к другим смысловым позициям. Этим компонентом “заряжены” все медиатексты. В медиатексте, вторичном по своей природе, встроенном в массовую коммуникацию, вступающем во внутренние смысловые взаимосвязи со множеством других, ранее созданных текстов и ориентированном на будущее восприятие, неизбежно присутствует и коммуникативный компонент, включающий информацию о характере и последовательности коммуникативного взаимодействия с аудиторией и с “третьими” лицами. Соотношение трех ком-понентов принимает разные формы» (Дускаева 2019: 17).

Такая целенаправленность в обосновании медийной сущности медиатекста, шире – медиастилистики представляется не только общей актуальной задачей медиалингвистики, но и одним из ключевых достижений исследования Л. Дускаевой, стремящейся уловить и последовательно привести доводы для самостоятельности и самоценности медиатекста, медиаязыка, медиаречи так, как это когда-то было сделано учеными для языка художественной словесности. Если даже в 50 – 60-х гг. XX века В. Виноградову необходимо было, с опорой на давние в этом вопросе традиции филологии, показать основы и принципы «...изучения поэтической речи как специфической формы речевой коммуникации...» (Виноградов 1963: 131), убедить в том, что «теория поэтичес-

кой речи, развивающаяся на почве коммуникативной лингвистики, не может не стремиться раскрыть внутреннее эстетическое единство и единоецелостный смысл поэтического произведения» (Виноградов 1963: 131), то для молодой науки – медиалингвистики – подобного рода идейные, концептуальные, методологические проблемы принципиально и важны, и сложны. И то, что, Л. Дускаева настойчиво и фокусирует внимание на медийности для медиалингвистики, медиалингвистики в целом, и даёт её многоаспектное толкование, практическое подтверждение анализом медиатекстов – это безусловное достижение её исследования. Особенно, если учесть, что она изучает и медиатексты традиционной прессы, и касается специфики телетекстов, текстов новых медиа, каждый раз обозначая и подробно поясняя особенности применяемой методологии.

В этом плане весьма показательны примеры анализа спортивного комментария и балетного спектакля в разделах «Передача динамики в сообщении о событии» и «Воссоздание динамики в газетных сообщениях о концертных и театральных представлениях» из Части I «Типология разноканальной медиаречи» (Дускаева 2019: 64–72). Л. Дускаева показывает, как сочетаются темпоральность, аудиальность, эмотиконны и оценочность, в том числе и эстетическая, с разноголосицей в пределах одного медиатекста, и делает один из доказательных выводов: «Письменная медиаречь в ходе портретирования действительности способна “компенсировать” статичность и “немоту” изображения событий, явлений, людей: в печатных текстах описательно-вербальными средствами передается динамика происшедшего, его темпоритм и воспроизводится звучание. Эта динамика восстанавливается передачей движения участников событий, их эмоциональной динамики, хода мыслей, разговора» (Дускаева 2019: 73). При анализе телевизионного типа текста автор постоянно делает акцент на том, что представляет собой «...многослойное иерархическое образование» (Дускаева 2019: 76), которое необходимо воспринимать и исследовать в такой сложности и объемности, важно понимать и адекватно описывать те «...компоненты, которые помогают организовать вещание канала, сцепляют тексты внутри программ» (выделено автором – Э.Ш.) (Дускаева 2019: 76). Это подводит к логически обоснованному тезису о природе взаимодействия голосов в медиаречи телетекста: «В ряду выразительных ресурсов в телеречи выступает просодика, слияние вербалики сообщения о происходящем с его визуально-звуковой демонстрацией, полилогизация монолога включением в монолог и чужой прямой речи, использование цитаты в изобразительном ряду и т.п., визуализация при передаче динамики мыслительной деятельности субъекта речи, семиотическая разнородность организации логико-смысловой связанности текстов (паратекста), вариативность в построении метатекста» (курсив автором – Э.Ш.) (Дускаева 2019: 104).

Не менее интересен и важен подход Л. Дускаевой к обозначению относительно новых, но важных понятий паратекст, интратекст и метатекст. Их сущность и правомерность ведения в активный научный оборот, в практику анализа медиаявлений российская исследовательница аргументирует снова таки с позиции сверхзадачи и своей книги, и современного состояния медиалингвистики: показать самостоятельность и ценность медиаязыка, медиаречи, медиатекста как значимых основ и явлений общественного устройства и медиакommunikации, которые всё больше проявляют свою всеохватность, тотальность. В связи с этим убедительно следующее утверждение: «текст в медиа всегда предстает в рамочном обрамлении – паратексте, у которого выделяются межтекстовый и внутритекстовый компоненты. <...> Оформление отдельного медиатекста “начинается” с самоманифестации внутри паратекстуального вербально-аудиально-визуального окружения. <...> второй, основной, ядерный “композиционный слой” медиатекста – интратекст – связан с отражением в тексте окружающего мира – событий, процессов, ситуаций и персон» (Дускаева 2019: 24–25). При этом Л. Дускаева фокусируется на объяснении философско-коммуникативных особенностей медиаречи, наполненной гулом голосов малых опытов, на что указывал М. Бахтин. В связи с этим исследовательницей отмечается: «Каждое из речевых действий, подчиненное своей частной коммуникативной задаче, отражает свой типовой предмет речи, обладает своим модусом и типовым способом выражения ориентации на адресата», «...медиаречь предстает как речевое стимулирование и реагирование» (Дускаева 2019: 26, 27). Медиаречь оказывается под таким углом зрения не просто предметом сугубо традиционных лингвистических интересов, но проявляет значимость коммуни-

кации, общения, восприятия и понимания других, возможностью проявления и «образа человеческой души», и «окружения и кругозора» (Бахтин 2000: 238), запечатлеваемых и осуществляющихся через медиатекст. В связи с этим в первой главе вполне логично, доказательно звучит вывод о том, что «...полиголосие – это онтологически присущее медиаречи качество» (Дускаева 2019: 43).

Кроме уже сказанного, необходимо отметить, что книга Л. Дускаевой насыщена редкой для современной научной литературы темой: взаимосвязи профессионального (медийного) с этическим и идеологическим моментами. Исследовательница, придерживаясь научно-интеллектуальной традиции славянского культурного мира, целенаправленно, однозначно и безапелляционно указывает и посредством анализа конкретных примеров, и формулировки авторской позиции, что «...стилистические (а порой и этические) нормы сообщений о социально важных и общезначимых событиях могут нарушаться. В конечном счете это оборачивается тем, что даже самая серьезная тема в значительной мере теряет свою важность и значимость» (Дускаева 2019: 143). И далее, продолжая развивать идеи М. Бахтина о роли идеологического и официального начал в тексте, Л. Дускаева уверенно делает вывод в отношении медиатекстов. Они, казалось бы, по своей функции всегда вторичны, но от этого, они не менее чем тексты художественной словесности, теряют от манипулятивности идеологии, поэтому: «... атмосфера идеологической борьбы выхолащивает идею диалога как формы ведения полемики. Идеологическая полемика диалогична лишь по форме, фактически же часто перед нами монолог одного лица с отдельными речевыми приемами диалогизации текста. Для речевого поведения издания, выступающего в качестве проповедника той или иной идеологической системы, характерен полный или частичный запрет на воспроизведение точки зрения оппонента» (Дускаева 2019: 170).

Еще много интересных моментов есть в книге Л. Дускаевой, которые характеризуются ее индивидуально-авторским подходом и о которых хотелось бы написать. Например, это определение и сущность стилиформирующих компонентов, особенности гипертекстовой стилистики медиатекста, жанровая типология информирующей речевой деятельности, задачи современного журналиста в деловой прессе, текстотип, их разновидности, своеобразие жанров медиатекста, новое знание в просветительских медиатекстах, комическое в медиаречи, ирония в деловых изданиях, рекомендации по моделям общественной деятельности... Но всего этого не охватить в небольшой рецензии. Оставим возможность читателям самостоятельно совершить интеллектуальное путешествие и в процессе научной коммуникации соединить образы медиалингвистики.

Э. Г. Шестакова

БИБЛИОГРАФИЯ

Бахтин 2000: Бахтин, М. *Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук*. Санкт-Петербург: Азбука. // **Bakhtin 2000:** Bakhtin, M. *Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk*. Sankt-Peterburg: Azbuka.

Виноградов 1963: Виноградов, В. В. *Стилистика, теория поэтической речи, поэтика*. Москва: Изд-во Академии Наук СССР. // **Vinogradov 1963:** Vinogradov, V. V. *Stilistika, teoriya poeticheskoy rechi, poetika*. Moskva: Izd-vo Akademii Nauk SSSR.

Дускаева 2019: Дускаева, Л. Р. *Стилистический анализ в медиалингвистике*. Москва: Флинта. // **Duskayeva 2019:** Duskayeva, L. R. *Stilisticheskiy analiz v medialingvistike*. Moskva: Flinta.

Квадратура смысла 2002: *Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса*. Ред. П. Серио. Москва: Прогресс. // **Kvadratura smysla 2002:** *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa*. Ed. P. Sériot. Moskva: Progress.

Мамардашвили 1996: Мамардашвили, М. М. *Необходимость себя. Лекции. Статьи. Философские заметки*. Москва: Лабиринт. // **Mamardashvili 1996:** Mamardashvili, M. M. *Neobkhodimost' sebya. Lektsii. Stat'i. Filosofskiy zametki*. Moskva: Labirint.

Медиалингвистика в терминах и понятиях 2018: *Медиалингвистика в терминах и понятиях: Словарь-справочник*. Под ред. Л. Р. Дускаевой. Москва: Флинта. // **Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh 2018:** *Medialingvistika v terminakh i ponyatiyakh: Slovar'-spravochnik*. Pod red. L. R. Duskayevoy. Moskva: Flinta.